

Валентина Константинова

Доселок
Сокол

Валентина Константинова
Поселок Сокол. Врубеля, 4

«Пробел-2000»

2010

УДК 82-94Константинова В.
ББК 84(2Рос=Рус)6

Константинова В. Е.

Поселок Сокол. Врубеля, 4 / В. Е. Константинова —
«Пробел-2000», 2010

ISBN 978-5-98604-198-8

«Вчера 19 ноября 2007 г. я была на похоронах Раечки Ямновой, моей одноклассницы по московской школе № 149, с которой училась с конца восьмого класса до выпуска в 1956 г. В феврале Раечке исполнилось бы всего 69 лет...»

УДК 82-94Константинова В.
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-98604-198-8

© Константинова В. Е., 2010
© Пробел-2000, 2010

Содержание

Часть I	6
Часть II	21
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Валентина Константинова

Поселок Сокол. Врубеля, 4

© В. Константинова, 2010

* * *

Посвящается дорогим моим одноклассникам

Часть I

Где вы, дорогие мои? Отзовитесь!

(вместо предисловия)

Вчера 19 ноября 2007 г. я была на похоронах Раечки Ямновой, моей одноклассницы по московской школе № 149, с которой училась с конца восьмого класса до выпуска в 1956 г. В феврале Раечке исполнилось бы всего 69 лет.

Тем, чей возраст исчисляется сегодня двумя-тремя десятками лет, возраст Раи, наверное, покажется запредельным, но в нашей памяти она осталась молодой, веселой, обаятельной. Рая была моложе многих из нас на год-полтора, пользовалась в классе всеобщей симпатией. Из жизни ушла после продолжительной и изнурительной болезни.

Нас, ее одноклассников, на похоронах было четверо: Наташа, Люся, Тоня и я. День был холодным, промозглым, пасмурным. Грустно было осознавать, что хороним уже не первого человека из нашего замечательного 10 «Б» – энергичного, яркого и дружного коллектива. Уже нет среди нас застенчивой Гали Буравцевой, нет белокурого красавца Гены Буткевича, синеглазого Шурика Клопотова.

Год назад, в апреле 2006 г., наш 10 «Б» отмечал 50-летие со дня окончания школы вместе с нашей любимицей Елизаветой Моисеевной Орловской, учительницей русского языка и литературы. Мы не смогли отыскать Раю Шатову, Риту Бурштейн, Лену Попову. Приехала из Дании Валя Чернова, горячее приветствие пришло из Бостона от Вали Штейнбока, встречавшегося с нами, своими одноклассниками, за полтора года до нашего юбилея.

Смерть Раи подталкивает меня к тому, чтобы успеть написать повесть о нашем 10 «Б». Дружба и привязанность друг к другу, родившиеся в стенах школы, год от года становятся все крепче между нами. Мы все давно уже стали дедушками и бабушками, но, встречаясь, каждый раз ощущаем себя мальчиками и девочками с ленточками в косичках.

Но у меня не до конца выполнен мой долг перед другими моими одноклассниками, теми, с кем училась я в течение пяти лет в далеком таежном поселке и о ком я писала в книге «Дорога на край света». Они мне тоже бесконечно дороги. Я считаю необходимым написать, как уже после сдачи материалов той книги в издательство, мне удалось отыскать свою одноклассницу и верную подругу Милу Тихомирову. Тысячу раз прав Н. В. Гоголь, написавший в своем «Тарасе Бульбе», что «нет уз святее товарищества»¹. «Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать... любит и зверь свое дитя! Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в русской земле, не было таких товарищей. Так любить, как русская душа, любить не то чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал бог, что ни есть в тебе... Нет, так любить никто не может!» – говорит Н. В. Гоголь словами своего героя. Лучше сказать о товариществе просто невозможно. Поэтому я решила снова вернуться к теме жизни моей семьи «на краю света» в конце 40-х-начале 50-х гг. прошлого века. Человеку моего возраста, очень зрелого возраста, легче всего вспоминать лучшую возрастную пору в жизни каждого человека – школьные годы. Время, просеяв события далеких лет, оставило в памяти лучшее и драматическое. Дружья и подруги остались в памяти такими, какими ты их видел в последний раз – больше полвека назад! Сердце сжимается от предположения, что кого-то из твоих одноклассников может уже и не быть в живых, а они в памяти значатся как девочки и мальчики, такими они и останутся, если только судьба не сведет их с тобой самым неожиданным образом.

¹ Н. В. Гоголь. Собр. соч. в 9 томах, – М., 1994, том 2, стр. 289.

В послесловии к книге «Дорога на край света» я рассказала, как нам с дочерью удалось узнать, что перестал существовать большой поселок Огонек, в котором проживало в середине прошлого века не менее 5 тысяч человек. «Он зарос, одичал, в нем нет ни одной живой души» – так писала мне Чуракаева Н. Г., которая родилась на Огоньке в 1957 г. и с 1969 г. проживала в Югоренке, в нескольких десятках километров от Огонька.

Рассказала я и о том, как, пытаясь найти информацию об Огоньке через Интернет, мы неожиданно вышли на Екатерину Козлову, дочь нашей учительницы русского языка и литературы – Соболевой Зои Васильевны. С Катей мы стали общаться не только через электронную почту, но и по телефону, и обычной почтой.

В конце февраля 2007 г. раздался звонок из Полесска Калининградской области. Катя сказала, что через неделю она уезжает домой, в Ригу, и что она в данный момент держит в руках фотографии, на которых есть ее мама среди учеников и коллег Огонекской школы. Я тут же достала все свои аналогичные фотографии и начала комментировать их по телефону. А Катя мне читала надписи с обратной стороны фотографий, которые сделала сама Зоя Васильевна.

В заключение разговора Катя спросила, не помню ли я Китлинских, живших на Огоньке в начале 50-х гг. Я ответила, что помню Китлинского, горного мастера Огонька, и его жену, зубного врача прииска. Катя предложила мне адрес электронной почты сына Алексея Китлинского, имя и фамилия которого точь-в-точь, как у его отца. Я с большой готовностью согласилась.

Через неделю я позвонила Кате в Ригу и доложила, что с Алексеем Китлинским установлена надежная связь, что каждое утро я нахожу в электронной почте интереснейшую информацию о нем и сестре Ане, родившейся на Огоньке двумя годами раньше Алексея, их отец и маме. Рассказала о фотографиях, которые присылал Алексей целыми блоками.

Все фотографии были сделаны на Огоньке. Вот мостик через Нижний Жар, на котором стоит молодая женщина с девочкой на руках – Анечкой Китлинской. А вот ее отец – Алексей Китлинский, высокий, статный, стоит на драге с двумя горными мастерами. А вот и мама Алексея – Зоя Ивановна на фоне домика, в котором жила с подругой до своего замужества. Рядом – горный мастер Варя Павлова, маленькая молодая женщина, якутка по национальности.

Одну из фотографий Алексей увеличил до размера стандартного машинописного листа, за что я необыкновенно признательна ему. На переднем плане его маленькая сестра стоит на фоне нашей родной и до боли знакомой школы. Хорошо видны окна, многочисленные печные трубы на крыше по числу отапливаемых помещений – классов, учительской, коридора. Ракурс этой фотографии таков, что за школой видна часть склона горы, на которой находилось тогда кладбище, где хоронили мы когда-то нашего Арика Сенна, погибшего от случайной пули.

Каждую фотографию Алексей сопровождал каким-либо комментарием. На одной из фотографий – три симпатичные девочки от трех до шести лет. У всех косички с ленточками. На переднем плане две девчушки в возрасте трех с половиной – четырех лет. Слева в ситцевом сарафанчике и белой кофточке – Аня Китлинская, будущий преподаватель. Справа от нее – ее ровесница и подруга Лариса Кутенкова, будущий хирург. На заднем плане ее старшая сестра Альбина. Она теперь директор школы в Петропавловске под Усть-Маей.

В общей сложности Алексей передал три десятка фотографий в течение двух недель и, конечно, письменные сообщения. Некоторые из них занимали целую страницу.

Каждое утро у нас начиналось с того, что из соседней комнаты раздавался призывный крик: «Мама, Огонек!» Я тут же бежала к экрану компьютера, чтобы прочитать очередную информацию, торопила дочь вывести мне на печать все, что передал «Огонек». А читать и рассматривать было что. Почти на каждой фотографии можно было рассмотреть и дома, покрытые корой лиственницы, и огороженные разнокалиберными досками или горбылем дворики и огородики. Виднеются гряды сопок.

Есть великолепный снимок реки Юдомы с ее характерными берегами. На горизонте, на фоне цепи гор виден поселок. Алексей пишет, что это – Югоренок, но я уверена, что это Огонек, снятый с расстояния одного-полутора километров ниже по течению Юдомы и стоящий на ее левом берегу, хотя оба поселка могли быть однотипными. Я знаю, что Югоренок стоит на правом берегу реки. 4 ноября 1953 г. мы приехали в Югоренок под вечер, и в таком ракурсе я его не видела и видеть никогда не могла, т. к. в сентябре 1948 года мы приехали в Югоренок тоже вечером и к тому же с его обратной стороны: газоход шел против течения со стороны реки Май.

На одной из фотографий группа ИТР² прииска, хорошо одетых по тем временам. На одной из женщин длинное бархатное или плюшевое пальто, две – в модельных туфлях, четверо мужчин с признаками свежих стрижек. Все в возрасте от 30 до 50 лет, стоят на ступеньках крыльца приисковой конторы. В центре верхнего ряда возвышается колоритная фигура Китлинского Алексея – отца Алексея. Все лица хорошо знакомы, но фамилий их я или не знала, кроме Китлинского, или не помню. За спинами стоящих людей видны два ближайших от конторы дома. Правый из них – приисковая библиотека. Одна из последних книг, которую я успела прочитать на Огоньке, была книга «Сталь и шлак». Автора не помню. Из этой библиотеки я регулярно приносила для отца очередные тома БСЭ³, а в последний год жизни на Огоньке отец с удовольствием просматривал собрание сочинений И. В. Мичурина, также том за томом. Книги были новехонькие, в хорошем переплете, никем не читанные. Они поступили в библиотеку за год до нашего отъезда и вряд ли нашли своих читателей, кроме моего отца. Но тот, кто отбирал где-то книги для приисковых библиотек, предусматривал, наверное, что люди разъедутся по всей стране после того, как золотоносные жилы будут отработаны и прииск закроется, и сады еще можно будет успеть не только высадить, но и дождаться урожая.

Наш отец успел это сделать, посадив первые десять яблонь в первую же осень после возвращения с Севера. На карте Огонек находился недалеко от северо-западной границы Хабаровского края с Якутией, не так далеко от побережья Охотского моря. Но также недалеко был от нас и Оймякон – полюс холода северо-восточной части страны. Вчера я купила новую карту России, и на ней под названием Оймякон в желтом прямоугольнике написано: «Самая низкая температура минус 78 градусов». Содрогнешься, пожалуй. Наша своенравная Юдома родом оттуда – из подножия хребта Сунтар-Хаята. Этот хребет, видно, сдерживал натиск холода, смягчая его до отметки минус 55–57 градусов.

Я получила от Алексея фотографию Огонька конца 60-х, присланную ему Марией Братухиной из Магадана. На снимке – утонувший в снегу безлюдный поселок, справа от него – абсолютно белые сопки. Похоже, что снимок был сделан в один из самых холодных дней: поселок выглядит безлюдным, на улице ни души!

И еще одна замечательная фотография: три молодые девушки (будущая мама Алексея в центре) в демисезонных пальто, без головных уборов и в летней обуви стоят на подтаявшем снегу. Они улыбаются, солнце светит им в лицо. За их спинами огромные ледяные глыбы. Свежевыпавший снег накрыл их рыхлыми шапками. Льдины лежат на довольно высоком берегу, а ниже – уже присмирившая после бурного ледохода Юдома серебрится некрупной рябью. На противоположном, более отлогом берегу тоже видны льдины, но сопки совершенно свободны от снега, возможно, что и лиственницы уже зазеленели, и не испугают их теперь никакие ночные холода. Если Юдома проснулась, значит, все в порядке. А льдины пусть себе лежат! В середине июня исчезнут и они, предварительно рассыпавшись на острые «мечи и копья», как я уже рассказывала об этом в своей книжке. Поэтому и девушки такие веселые и счастливые: весна – вот она, пришла долгожданная!

² Инженерно-технические работники.

³ Большая Советская энциклопедия.

А Алексей все продолжал делать сюрпризы. Всмотриваюсь в одну из фотографий: лица ну совсем знакомые, особенно лицо мужчины, сидящего с двумя женщинами на ступенях крылечка. Мужчина лет пятидесяти, слегка полноватый, в светлой тенниске и в полосатых пижамных брюках. Руки сложены на коленях, на левой руке – часы с браслетом. Справа, прижавшись к нему, сидит миловидная женщина в домашнем легком платье, слева от мужчины – седая сухощавая женщина в темном платье с белым кружевным воротничком и с длинными рукавами.

Ищу комментарии Алексея к этой фотографии. Написано коротко: «Семья Коноваловых». Начинаю вспоминать: Коноваловы, Коновалов, Валерий Коновалов. Но Валера Коновалов должен быть значительно моложе этого мужчины – лет тридцати-тридцати пяти, не больше. Папа, нередко упоминая дома этого человека, называл его Валеркой Коноваловым. Посомневавшись, я продолжила внимательно разглядывать другие фотографии.

На следующий день приходят еще два блока фотографий. И почти все они сопровождаются записями, сделанными когда-то мамой Алексея – Зоей Ивановной. Я рассматриваю внимательно фотографии, сверяюсь с текстом, напечатанным на отдельном листе, и вдруг, о, боже! Ведь это Мила с мамой – тетей Любой, ведь это Мила Тихомирова! Я нахожу вчерашнюю фотографию, в связи с которой у меня возникли сомнения, что это Коноваловы, и вижу, что мужчина, сидящий между двумя женщинами, это Анатолий Андреевич Тихомиров, а справа, прижавшись к нему, сидит Любовь Николаевна, тетя Люба – родители моей подруги.

Я долго не могла придти в себя, волнение охватило меня с головы до пят, как я писала вечером Алексею. В ход пошли валидол, корвалол. Все осмыслила только далеко за полночь. Ведь одно дело – далекие-далекие воспоминания, а другое – сегодняшнее восприятие, пусть даже по фотографиям, образов дорогих тебе людей. Одно жалко: осознание настоящих человеческих ценностей приходит поздно, иногда слишком поздно, когда уже невозможно вернуть утраченное.

Но не менее сильное потрясение ждало меня впереди, когда я начала рассматривать маленькую групповую фотографию и с помощью комментария Алексея обнаружила бабушку Шуру Викулову!!! Да, это мать тети Любы, бабушка Милы. Эта женщина мне особенно дорога. Она на протяжении 7 месяцев с июля 1950 г. по февраль 1951 г. была и моей бабушкой. Она относилась ко мне, как к близкому человеку, много рассказывала о своей жизни, о детях и внуках и научила меня буквально всему, что мне очень понадобилось позднее в самостоятельной жизни.

Алексею я написала большое письмо. Я поблагодарила его от всей души. В конце написала ему, что его родители очень достойные люди с непростой и незаурядной судьбой. «Судя по тому, как Вы горячо любите ту часть страны, – писала я, – те места, где на карте недавно значился поселок Огонек, где живы еще поселки Юр, Югоренок, Эльдикан, Вы – тоже личность незаурядная. Чувствуется, что Вы любите и народ всей нашей большой Родины. Нам очень приятно, что мы знакомы теперь с Вами. Рады будем и в дальнейшем находить в почте Ваш «Огонек».

Возможно, мое послание было несколько пафосным, но оно было продиктовано моей огромной благодарностью Алексею за его глубокий эмоциональный, глубоко человеческий отклик как единомышленника. Нужно учитывать и то, что Алексей со своей семьей давно живет в Хмельницком на Украине, а из Огонька уехал мальчиком.

Утром следующего дня я снова помчалась к компьютеру на призывный сигнал дочери: «Мама, Огонек!» Алексей сообщил: «Сегодня целый день перебирал мамины бумаги в надежде найти адрес Тихомировых». И ниже сообщил адрес, откуда шли его маме письма из Краснодара, а также номер телефона, по которому он предложил позвонить, на всякий случай: «Позвоните туда. Я не знаю, на кого попадете, но... вдруг, Коневец – это фамилия мужа Милы или, может быть, ее дочери.

Вечером в 23:02 я написала Алексею: «Дорогой Алексей! Вчера я обещала не надоедать Вам целую неделю, а не написать, не сообщить новость, которая меня распирает, просто не могу! После многих попыток (с часовым интервалом) дозвониться до Краснодара я вдруг услышала в трубке мужской голос. Я косноязычно объяснила цель своего звонка, а в ответ слышу: «Я – муж Людмилы Анатольевны Тихомировой». У меня первая реакция в таких случаях – крупнющие мурашки...»

Итак, 5 марта 2007 г. нашлась моя подруга, моя Мила – символ моего детства. Володя, муж Милы, сказал, что Мила скоро придет с работы и что он сейчас позвонит ей, чтобы она не задерживалась. «Но пока ничего не скажу ей о вас», – добавил он. Через минуту раздался звонок. «Валя, Мила сейчас на совещании, но она скоро придет», – сказал Володя. Минут через сорок снова звонок из Краснодара: «Валя, Милушка рядом, она плачет...» Разговор продолжался долго, и стало ясно, что времени нам не хватит, даже если проговорим до утра. Я сказала ей: «Мила, завтра я еду за билетами в Краснодар. В субботу буду у вас».

Ответ от Алексея Китлинского пришел через полчаса: «Дорогая Валентина Ефимовна! Даже не знаю, что мне Вам теперь сказать?!?! Вот сижу и рассматриваю старые фото. Я у нас нашел такую же, как Вы мне прислали, где Вы с Милой вдвоем. Только она без подписи. Нашел маленькую фоточку, где мама с Любовью Николаевной (мамой Милы) стоят в обнимку, сзади надпись: «Май 1954 г., Огонек, Л. Н. и я».

«Я тут нашел старое письмо, – писал ниже Алексей, – от Любви Николаевны, оно датировано 02.02.1991. Внутри конверта – ее последнее письмо маме и телеграмма о ее смерти: «Мама умерла пятого=Мила, Володя». В письме Любовь Николаевна жаловалась на руку: очень сильно немеет и сердце никудашнее, ослабело».

Вот так, еще до встречи с Милой, я узнала о кончине ее матери – Любви Николаевны. А у меня в памяти она навсегда осталась молодой, энергичной, очень чистоплотной женщиной, содержавшей в полном порядке просторный дом, огород, цветник, выращивавшей в парниках за короткое северное лето и огурцы, и помидоры. В теплом сарае у нее хрюкал очередной Нуфка, кудахтали куры и кукарекал их предводитель-петух...

Ранним весенним утром поезд, замедляя ход, приближался к перрону вокзала, на котором через считанные минуты я увижу Милу. С момента расставания с ней на берегу Юдомы прошло пятьдесят четыре года! Меня встретила маленькая стройная женщина и довольно плотный мужчина выше среднего роста с профессорской бородкой. Это были они – Мила и Володя. Мы обнялись, слегка прослезились. Через несколько минут мы уже ехали по просторным улицам Краснодара. За рулем был Володя – муж Милы, бывший ее однокурсник по Благовещенскому мединституту, с кем они прожили вместе более сорока пяти лет.

Мне предстояло провести в гостях у подруги два выходных дня. В первые же минуты после встречи Мила с Володей сообщили, что сегодня они покажут мне свой город и его окрестности. Знакомство с городом началось уже по пути к их дому. Краснодар произвел впечатление чистого, просторного и ухоженного современного города. Володя уверенно вел машину, время от времени предлагая обратить внимание на достопримечательности их города. Я узнала, что почти вся трудовая деятельность моей подруги и ее мужа в качестве медиков прошла в Краснодаре. Мила до недавнего времени в течение 28 лет заведовала радиологическим отделением крупного онкологического центра. Она – гинеколог-радиолог, заслуженный врач Кубани. Ее имя занесено в книгу знаменитых женщин Кубани. Володя большую часть своей медицинской карьеры занимал руководящие посты: зам. главного врача, главврач. Он очень коммуникабелен, человечен и необыкновенно прост. По специальности он – врач-реаниматор. В настоящее время работает заместителем главного врача медицинского центра переливания крови.

Через полчаса мы добрались до их дома. Они живут в трехкомнатной квартире кооперативного дома уже свыше сорока лет. Вместе с ними жили и родители Милы, приехавшие в Краснодар из Якутии в начале 70-х годов. Квартира изумила меня идеальной ухоженно-

стью, рациональным размещением мебели, предметов быта, кухонной утвари. Я помнила Милу застенчивой, скромной и тихой девочкой. Теперь ее отличительные черты – собранность, организованность, четкость движений, немногословие и... строгое выражение лица. Я несколько раз сказала, что помню ее совсем другой, более мягкой. Она ответила, что каждый день сталкивается на работе с людскими страданиями, что больные с надеждой смотрят ей в глаза, а она не каждого в состоянии спасти – онкологические болезни пока побеждаются, к сожалению, далеко не всегда.

После завтрака мы отправились в «Горячие ключи» – известный в стране санаторий, богатый минеральными источниками. День был солнечный, теплый. На территории санатория мы пробыли несколько часов. Пили воду из источников, забирались на смотровую площадку, с которой было хорошо видно все великолепие предгорий Северного Кавказа, сделали много фотоснимков. Воздух там чистейший, минеральной воды хоть опейся!

На обратном пути свернули с главной дороги, чтобы заехать на страусиную ферму. Я впервые видела страусов в таком количестве и так близко от себя. Страусы-самцы вытанцовывали свои брачные танцы и казались очень агрессивными, особенно один из них, альбинос. Он, припадая на одну ногу, хлопал мощными крыльями, ударял одним из них о землю и издавал гортанные клокочущие звуки. Страусы просовывали свои приплюснутые любопытные носы в ячейки крупной сетки-рабицы, поворачивая свои маленькие, с человеческий кулак, но большеглазые головки влево-вправо и ожидая угощения от любопытствующих туристов. Чувствуется, что угощение им перепадает иногда, хотя имеются призывы с просьбой не кормить этих птичек. На ферме есть небольшой магазинчик, в котором можно купить огромные яйца почти правильной шаровидной формы и мясо страусов. Кстати, на здании фермы, над центральным входом, красуется полукруглая оранжевая вывеска с бегущими по ней страусами и надписью «Страусиное ранчо». Вот так!

В центре Краснодара мне показали наиболее примечательные здания, памятник Екатерине II, установленный совсем недавно «от благодарных казаков», как гласит на нем надпись. Памятник впечатляет: очень богатый, монументальный, думаю, не один городской бюджет на него истратили «благодарные казаки». Памятник Ленину сняли, конечно, иначе он мешал бы Екатерине смотреть на здание законодательного собрания – бывшее обкомовское. Километров за сто до Краснодара на одной из железнодорожных станций видела сделанную метровыми буквами надпись: «Казаки были, есть и будут на Кубанской земле!»

Домой мы вернулись под вечер. Ноги отказывались слушаться. Моя обувь не годилась для лазанья, да и верхолазка из меня никудышняя. Весь вечер мы рассматривали фотографии. Я всматривалась в те, на которых были дома на фоне сопки, распадка или целой цепи гор. Я искала огонекские фотографии, но на всех была надпись – Аллах-Юнь, родина Милы.

Алексею Китлинскому я написала большое письмо о своей поездке в Краснодар. В частности, о том, что Мила с большой теплотой отзывалась о его родителях, с которыми дружили ее родители на Огоньке. «Они были очень дружны, – рассказывала Мила, – и жили, как одна семья, часто собирались вместе и не только по праздникам». И еще приведу дословно то, что сказала мне Мила, ссылаясь на слова Зои Ивановны, матери Алексея: «Я нашла счастье с Алексеем» – с отцом Алексея. Зоя Ивановна была намного моложе мужа.

Сама Мила и ее муж Володя произвели на меня очень хорошее впечатление, особенно их взаимоотношения. Это такой слаженный дуэт, такой спевшийся! Они-то не замечают, как называют друг друга. Их диалоги, отдельные реплики включают в себя очень заметные для постороннего уха слова-обращения, например:

– Да, нет, Милушка, это было лет пять назад.

Или:

– Роднульк, а ты не помнишь, в каком году мы отдыхали в Кисловодске вместе с мамой?

А по отношению к жизни и работе оба они – спринтеры. Оба держат себя в такой узде, что далеко не всем под силу и по характеру. Чувствуется, что они мобилизовали себя не сходить с дистанции до последнего вздоха. Оба они удивительно организованные, дисциплинированные люди.

Двумя неделями позднее я написала Алексею Китлинскому еще одно письмо, как бы подытоживая переписку с ним, связанную с Милой Тихомировой. Я писала: «Алексей, только теперь я, наконец-то, осмыслила значимость событий, которые произошли с 24 февраля по 12 марта этого года. Эти дни вместили в себя так много, породили такую эмоциональную бурю, которую мне трудно сравнить с каким-либо другим событием в моей жизни по силе, продолжительности и такому сказочному финалу, какой стала встреча с Милой. Это ведь была встреча с детством, юностью и с Огоньком, который в самом деле можно считать фантомом, как Вы подметили. Его нет, но он БЫЛ!!!»

С Милой мы встречались еще дважды в сентябре месяце. Она приезжала на дни рождения своей дочери Оли и внука Антона, проживающих в Москве. Мила приезжала с дочерью ко мне на дачу в один из выходных дней, но, к сожалению, на очень короткое время. Я, пообещав Миле приехать в Москву накануне ее отъезда домой, встретила с ней в самом конце сентября на Чистых прудах. Мы сидели у памятника Грибоедову и опять вспоминали, вспоминали.

– Слушай, – говорит вдруг Мила, – если ты смогла найти меня, то, может, сможешь найти еще кого-нибудь из класса, ну, мальчишек хотя бы, а? Они-то должны быть под своими фамилиями.

– Фамилии-то у них свои, но вряд ли они живы теперь. Их ведь у нас было всего четыре человека, мальчишек-то. Юры Константинова нет уже в живых шесть лет, его брат Саша умер в 90-м. Остались только Олег Сувернев да Эдик Ненашев.

– Ну, поищи. Вдруг хоть один из них пока еще жив.

– Попробую, хотя сама знаешь, как мало живут мужики в нашей стране. Особенно военнослужащие, – добавила я.

Мысль отыскать наших мальчиков засела в моей голове. Вскоре ко мне на дачу по пути из Коломны заехали мои бывшие коллеги по работе в Коломенских электрических сетях – Руслан и Катя Хабибовы. Мы посидели за чаем, потом вышли на улицу и я предложила Кате посидеть в тени от калитки, а Руслан расположился на ступеньках крыльца с моей книжкой, которую я подписала для них.

Мы с Катей негромко перебирали наши женские новости, а Руслан со свойственным ему вниманием и сосредоточенностью начал читать книгу. Через некоторое время я заметила, что Руслан, улыбаясь, что-то шепчет.

– Ты чего улыбаешься? – спросила я не без удовольствия.

– Да вот пытаюсь подобрать подходящее по рифме слово в вашу частушку.

Я подошла к нему, шепнула на ухо, и мы оба рассмеялись.

– А между прочим, – продолжила я, – десять дней назад на том самом месте, где сейчас сидишь ты, сидела Мила Тихомирова, моя одноклассница, о которой я писала в этой книжке.

Руслан вопросительно посмотрел на меня, и я вкратце рассказала, как отыскалась Мила.

Уехали от меня ребята (им по сорок с небольшим) в сумерки, а поздно вечером Руслан по телефону поделился своими первыми впечатлениями от прочитанного, спросил о моем муже, которого он знал и помнил.

– Читай дальше, сам разберешься потом, что к чему, – сказала я ему.

А еще недели через две Руслан с Катей снова приехали ко мне. Руслан привез электро-точило, чтобы наточить мне ножи от газонокосилок, на которые я пожаловалась, что они не косят траву, а «жуют» ее. Об этих ножах я упомянула лишь потому, что Катя в прошлый приезд похвалила участок и газон в том числе. Но Руслан есть Руслан. Я зову его своим «сыночком»,

настолько он мне мил. Это человек, который никогда не забудет, если что-то обещал сделать. Он необыкновенно инициативен.

В тот приезд Руслана и Кати я сказала, что по возвращении в Москву по окончании дачного сезона попробую поискать своих двух одноклассников – Олега Сувернева и Эдика Ненашева.

Буквально через несколько дней Руслан позвонил и сказал, что сделал попытку отыскать их обоих. Ненашевых оказалось великое множество, а Суверневых в Интернете он нашел всего 37 человек. В новой квартире Кати и Руслана продолжался ремонт. Руслан многое в ней делал собственноручно, но находил иногда время, когда мог забраться в Интернет.

В середине января 2008 г. Руслан позвонил и сказал, что создал страничку на мое имя на сайте «Одноклассники» и что на него вышел Александр из Рязани. Александр сообщил, что его мама, проживающая в настоящее время в Ачинске, Эмилия Казимировна Силантьева (Лагуткина по мужу), училась на Огоньке с 8-го по 10-й класс в 1953–56 гг. Александр, по просьбе Руслана, прислал телефон матери.

На следующий день я, уточнив разницу во времени между Москвой и Ачинском, набрала номер Эмилии (Миля). Нам сходу было трудно вспомнить друг друга, т. к. мы учились в одной школе всего лишь одну четверть, да и то в разных классах. И жили мы далеко друг от друга. Но когда мы стали называть поочередно своих одноклассников, то память быстро вернула тех, о ком не приходилось вспоминать очень давно – больше полувека.

Разговаривая с Милей, я поняла, что сделала ошибку в своей книге, написав, что ее фамилия – Смелякова. Нет, ее фамилия была Силантьева. А первая фамилия принадлежала полному, зрелому человеку в очках, который, как мне помнится, был на Огоньке начальником «Золотопродснаба». И Тихомирова Мила в тот же день, разговаривая со мной по телефону, подтвердила, что я ошиблась.

С Милей Силантьевой мы договорились, что сразу же сядем писать друг другу письма и вышлем фотографии своих одноклассников. Мы оказались с ней одноклассниками, но в 1953 г. я пошла в 9-й класс, а Миля – в 8-й. У нее был пропущен год из-за болезни и переездов.

На фотографиях, которыми мы обменялись, среди учеников разных классов находились общие учителя: Кайрис В. А., Соболева З. В., Степаненков И. Е., Агишева Ривва Михеевна. И, конечно же, мы с Милей нашли общих знакомых и среди своих одноклассников. Я узнала сразу же Лину Митахинову, Володю Синькова, Аллу Потапову, Яшу Чудинова, Леню Барсукова, Олю Хацкевич.

Как оказалось, Миля очень хорошо помнит всех моих четырех одноклассников-мальчиков. Юра и Саша Константиновы жили близко от ее дома на берегу Юдомы. Эдика Ненашева она хорошо помнит, потому что он вскоре по окончании школы женился на учительнице начальных классов, которая по возрасту была старше него только на год – на два. «А в Олега Сувернева мы с моей подругой Светой Соколовой были тайно влюблены», – написала мне Миля.

В первом же письме Миля подробно описала свое детство, начиная с 1941 г., когда ее отца арестовали как «врага народа». Искалеченной оказалась судьба всей семьи: отец умер в 1943-м в лагере от истощения, брат в 11-летнем возрасте умер от воспаления легких, личная судьба матери в дальнейшем сложилась неудачно. Из Омска их семью после ареста отца в течение 24-х часов вывезли на край области. Позднее мама Миля завербовалась на Камчатку на рыбную базу.

Миля написала в письме: «Жили мы на берегу Охотского моря, параллельно текла речка. Коса шириной около 200 метров. Когда на море был шторм, особенно осенью, вода из моря перетекала в реку.

Мы, дети, там жили весело, играли в мячи, скакалки, а потом в лапту. Это замечательная игра! С нами даже мужики молодые играли. Играли дотемна, пока мяч было видно.

Классы в школе были маленькие. В нашем поселке было 5 классов. Русский язык преподавал кореец. Зимой мы, девчонки, вязали, играли в карты, учились танцевать под патефон.

Летом работали на базе, в «икрянке». Икра шла по конвейеру, мы собирали ее, а женщины солили в чанах, добавляя туда специи и растительное масло. Какая была икра! Сейчас бы с удовольствием поела. Ели много рыбы красной (горбушу, кету, кижуча). Была также треска, навага, камбала. Камбалой летом кормили собак, а зимой и мы ее ели. А летом ели, в основном, красную рыбу. Жарили, варили уху, делали котлеты. Сами делали рыбий жир из молок трески.

В 6-й класс надо было ходить за 5–6 километров. И я ходила – одна, вечером, по темноте».

По окончании срока работы по договору о вербовке мама Мили сделала попытку найти жилье и работу в Кургане, где жил ее брат. Попытка оказалась неудачной, и летом 1953 г. мама Мили и ее брат завербовались в Якутию. Так они оказались на прииске Огонек Аллах-Юньского района ЯАССР в тот самый год, когда 1 августа 1953 г. к нам прибежал мой одноклассник Олег Сувернев и сообщил, что мой отец досрочно освобожден из ссылки.

Из письма Мили я узнала, что ее подружками на Огоньке были Лина Митахинова и Света Соколова, дочь нового директора прииска, приехавшего на смену Тихомирову А. А.

Подраставшие приисковые дети играли в те же игры, что и мы, лазали по тем же горам. Так же, как и мы, ходили за грибами, голубикой, брусникой. Вот только, где росла морошка, они не знали, по словам Мили. А она росла около протоки за домом, в котором жила семья приискового судьи Ф. Местникова. Его дочь Када училась в нашей школе.

Миля Силантьева вспоминает в своем письме о выпускном вечере моего бывшего класса. Она пишет: «У них был хороший выпускной вечер. У меня осталось такое впечатление, что был большой светлый зал. Олег, помню, приглашал меня танцевать, а Света не отпускала меня от себя. Жалею до сих пор. Он дружил, видно, с Милой Тихомировой. Он был очень умный парень.

А мальчишки в нашем классе нас не привлекали. Они были тихие, скромные, на вечера не ходили».

По окончании школы одноклассники Мили Силантьевой разъехались кто куда – учиться дальше. А их, выпускников, как пишет Миля, в 1956 г. в нашей школе было всего шесть человек, ровно столько же, сколько было в первом выпуске десятиклассников в 1952–53 учебном году.

Эмилия Казимировна поступила на физмат пединститута в Горьком. Работала сначала по направлению в Иркутской области, потом в Омской. У нее двое взрослых детей – дочь Таня и сын Саша. Сын окончил Новосибирское высшее военное училище, подполковником вышел в отставку. Он – мастер спорта по лыжам и плаванию. У него два сына.

У дочери Тани сын завершает учебу в строительном институте, дочь учится в седьмом классе. Семья Тани живет в Ачинске, недалеко от Эмилии.

Миля жалеет, что у нее нет связи с одноклассниками и однокурсниками. «Закрутила, завертела школьная работа и семейная жизнь. Ездили с места на место, и я растеряла все адреса», – сожалеет в своем письме Миля. Но все школьные огонекские фотографии она сберегла. Я уже успела сделать с них копии и вернула их ей.

Пока мы переписывались с Милей и общались по телефону, в один из вечеров, а точнее 23 января, в начале двенадцатого, нам позвонил Руслан. По тому, как он был явно чем-то взволнован, у меня промелькнула мысль: «Нашел кого-то!» Я заторопила его с ответом, так как сама успела взбудоражиться в ожидании чего-то необычного.

Русланчик рассказал, что отозвался сын Олега Сувернева Александр и начал зачитывать с экрана компьютера текст письма, присланного на «мою» страничку сайта «Одноклассники»:

«Здравствуйте, Валентина! К сожаленью, не знаю Вашего отчества. Сувернев Альберт – мой отец. Я очень рад познакомиться с его друзьями, даже в таком формате. Наверное, я Вас разочарую. Отец умер в 1987 г. Он служил на космодроме Плесецк. После окончания

службы мы уехали в Полтаву, там давали военным квартиры. Отец похоронен там. Его брат жил в Новосибирске, но тоже умер где-то в 90-е. Сестры отца жили в Алма-Ате, куда переехали вместе с родителями. Последний раз я их видел в семь лет, теперь мне почти сорок. Сын моего дяди Андрей вроде бы живет в Лос-Анджелесе. Больше ничего почти не знаю. Рад Вашему письму, пишите на мой электронный адрес», – и Александр написал его.

Руслана я попросила переслать это письмо на электронный адрес дочери, а, получив, начала перечитывать его раз за разом.

Известие о смерти Олега не разочаровало, а вызвало острую жалость до боли в сердце. Судьба поступила с Олегом жестоко, несправедливо, отняв так рано жизнь у умного, неординарного человека. В нашей школе он был самым умным старшеклассником. Олег мечтал о военной авиации. По почте в его адрес приходили огромные тома научных трудов Жуковского и Чаплыгина.

Еще задолго до окончания школы Олег знал, где будет учиться дальше. Кто-то из его дальних родственников, узнав, что Олег интересуется военной авиацией, посоветовал ему поехать учиться в Иркутское военное авиационно-техническое училище. Олег поступил в ИВАТУ, а вместе с ним поехал поступать в то же училище его одноклассник Юра Константинов, мой будущий муж. Саша Константинов поступил в Бугурусланское училище летчиков гражданской авиации.

Юра рассказывал позднее, как отец не хотел отпускать его на учебу. Старший сын был хорошим помощником отцу во всех видах мужской работы: валить деревья, сплавливать лес, косить траву, разгружать баржи.

Мать Юры сделала все, чтобы отправить на учебу не только Сашу, но и Юру. Она бегала по соседям, просила займы денег на дорогу до Иркутска. Юра всегда с благодарностью вспоминал, как его мать преодолела сопротивление отца, как собрала необходимые деньги и успокоилась только тогда, когда отчалил от берега газход, увозя ее обоих сыновей.

Парни почти месяц добирались водным путем до Якутска – сначала по Юдоме, затем по Мае, Алдану и, наконец, по Лене. Им предстояло оформить необходимые документы в военкомате, прежде чем отправиться в Иркутск – Олегу и Юре, в Бугуруслан – Саше.

В ИВАТУ ребята оказались в разных ротях. У Юры были серьезные проблемы при медицинском освидетельствовании перед вступительными экзаменами в училище: у него обнаружили повышенное артериальное давление и расхождение тазобедренных костей, как рассказывал он позднее.

Хирург, осматривавший Юру, строго предупредил его, чтобы он немедленно прекратил заниматься тяжелой атлетикой. Доктор не мог знать, что «тяжелая атлетика» у абитуриента Константинова заключалась в разгрузке барж. Юра наравне с взрослыми грузчиками таскал на плечах кули (крапивные мешки) весом до 70 кг с сахаром, мукой, крупами. Носил на «поняшках» (широких лямках с деревянной подставкой) ящики со стеклом, вес которых превышал вес самих грузчиков. А перетаскивать грузы нужно было сначала из трюмов баржи на палубу, затем по раскачивающемуся трапу, а потом вверх по довольно крутому берегу до склада.

Юра вспоминал, как грузчики охотно брали его в свою бригаду, как хвалили его: «Юрка, ты молодец, ты здоров, как бык!»

А вот доктор ИВАТУ сделал заключение, что абитуриент Константинов к воинской службе непригоден. И, только узнав, что парню не на что ехать домой (до Иркутска они добирались полтора месяца впроголодь, приехали грязные, у Юры оторвалась подметка от ботинка), а также то, какой «тяжелой атлетикой» он занимался на Огоньке, доктор махнул рукой и сказал: «Ладно, оставайся, но близко не подходи ни к гилям, ни к штанге – а то твои кишки могут вывалиться тебе в штаны».

Став офицерами, Олег и Юра оказались осенью 1958 г. в Главном управлении кадров Министерства обороны, откуда их направили в Камышин на переподготовку. Армии требо-

вались специалисты для обслуживания ракетных войск, которые тогда начали уже формироваться в стране...

И вот наших мальчиков уже нет в живых. Юра умер внезапно от кровоизлияния в мозг в апреле 2001 г., умер на даче в саду в солнечный весенний день. После его смерти один сотрудник Коломенского военкомата на мой вопрос, почему так рано уходят наши мужья, ответил, полистав личное дело мужа: «Что же Вы хотите? Он несколько лет работал с жидким ракетным топливом». Позднее я узнала, что компоненты ЖРТ губительно влияют на кровеносную систему: сосуды становятся хрупкими. Юре в 2001 г. должно было исполниться 65 лет. Он был тогда еще практически здоровым, сильным физически, энергичным, жизнерадостным человеком.

А Олег, как оказалось, умер в 50 лет. С его сыном мы договорились встретиться в первых числах марта, когда он вернется из служебной командировки. Александр Сувернев служит в Москве. Он живет с семьей в Люберцах.

У меня еще теплится надежда, что через Интернет откликнется хоть кто-нибудь, кто хоть что-то знает или знал об Эдике Ненашеве или тот, кто имеет какую-либо информацию о моих одноклассниках – Гале Бекетовой, Вале Курзовой, Гуте Романовой, Клаве Петуховой, Соне Азизовой.

Оставляю несколько чистых страниц в своей рукописи, надеясь дописать в них то, что, возможно, удастся еще узнать о моих огонекских одноклассниках. Все мы родом из конца 30-х годов XX века – века, насыщенного масштабными событиями исторического значения. Мое поколение родилось и выросло в самой его середине, испытав вместе с родителями не только тяжелое время предвоенных репрессий и самую кровопролитную войну, но и почти четверть века прожив в обстановке человеческого благополучия, имея все основания гордиться своей страной.

Я хочу, чтобы и моя книжка, и эта рукопись стали письменным памятником моим одноклассникам, а их у меня целых три комплекта: одноклассники по Гололобовской семилетней школе, по Огонекской средней школе и, наконец, по 149-й средней школе г. Москвы, что находится недалеко от развилки Ленинградского и Волоколамского шоссе.

Через несколько дней, после того как я написала, что оставляю несколько свободных страниц на случай, если появится какая-либо информация о моих одноклассниках с незабываемого и родного Огонька, я отправила письмо Миле Тихомировой в Краснодар. Письмо пришлось разместить в двух конвертах, т. к. кроме листов с текстом нужно было отправить почти десяток фотографий.

Миле я писала: «Вчера я встречалась с ребенком нашего с тобой одноклассника Олега Сувернева – Суверневым Александром. Он обещал приехать около семи вечера, но во время пересадки в метро уехал в другую сторону от Лубянки. Чтобы он не заблудился еще и в нашем квартале (наш дом стоит в глубине двора), я вышла встречать гостя. Ждала его недалеко от дома, стоя на куче подтаявшего снега. Высматривала из проходивших мимо мужчин небольшого и плотного, как его отец, человека около сорока лет, в военной форме с двумя звездочками подполковника на погонах. Но такого все не было и не было. Было уже довольно темно. Вдруг мимо меня быстро прошагал молодой мужчина в гражданской одежде с портфелем в одной руке и цветами – в другой. Я негромко, но уверенно вслед ему говорю: «Александр Альбертович Сувернев!» Мужчина резко повернулся и в два прыжка ко мне: «Валентина Ефимовна! Здравствуйте!» Обнял и поцеловал меня, неловко вручил мне цветы. Взял под руку, и мы пошагали к дому.

«Ребеночек» Олега, в целом очень похожий на отца, оказался высоким, широкоплечим и необыкновенно обаятельным. Одно было плохо – нехватка времени. На все про все у нас было всего два часа. Саше предстояло добираться домой до Люберец, и я понимала, что задерживать его дольше десяти вечера я не решусь.

Мы сначала сидели за столом, но ни есть, ни пить у нас не получалось. Один за другим следовали перекрестные вопросы, на которые нельзя было ответить односложно. Общение было хаотичным – настолько насыщенной была эмоциональная окраска нашего разговора с ним. Слишком многое нужно было рассказать за такое короткое время. Об Огоньке Саша знал очень мало, считал, что он находился где-то недалеко от Иркутска. Когда же я показала на карте, где когда-то находился наш Огонек, Саша ахнул. И, конечно, он не мог и предположить даже, что одноклассники его отца могут находиться близко от него.

Саша привез с собой три фотографии Олега. На двух из них – Олег с сыном. По тому, как Олег на этих фотографиях улыбается, видно, что ему было хорошо в тот момент. Он когда-то мечтал именно о сыне. А вот на третьей фотографии сидит немолодой, хорошо одетый мужчина на садовой скамье, сидит, опираясь на колени руками с прижатыми друг к другу ладонями. Лоб разрезан двумя глубокими продольными морщинами. Глаза Олега, всегда горевшие угольками, на фотографии выглядят потухшими. Взгляд опущен вниз. Отчетливо видно, что человек чем-то сильно удручен. В тот момент, когда я впервые увидела эту фотографию, я еще не знала, что Олег умер от практически неизлечимой болезни – рака гортани.

Мила, я посылаю тебе копии всех этих трех фотографий и фотографии, сделанные перед Сашиним уходом от нас. Мне было очень жаль расставаться с ним, с таким симпатичным и необыкновенно приятным человеком. Я увязалась проводить его до метро. Саша попрощался со мной, как попрощался бы мой собственный сын, и спросил: «Можно я приеду к Вам через две недели?» «О чем ты спрашиваешь, Саша! Да хоть завтра и в любое время», – горячо ответила я.

У Саши второй брак. Жену зовут Леной. Саша, похоже, доволен новой семьей. Сколько лет они уже вместе – не спрашивала: и некогда было, да и неудобно. Мать Олега, Галина Александровна, живет в Полтаве. Саша звонил ей от нас, чтобы спросить про Ненашевых из Новосибирска, которых она знала, а потом передал трубку мне. От нее я узнала о причине смерти Олега. От операции отказался, болезнь перенес терпеливо, мужественно. Умирал достойно.

Саша рассказывал, что отца он помнит как неунывающего и очень веселого человека, способного на разные выдумки, розыгрыши. И еще он рассказал, что отец очень много курил.

Сам Саша без вредных привычек. Он закончил инженерный факультет Академии им. Можайского. Кандидат технических наук. Работает сейчас в Главном управлении кадров Министерства обороны.

Мила, от этого большого «ребенка» исходит ощущение какой-то особой чистоты, доброты, порядочности. Он производит впечатление человека, который в детстве получил большую дозу родительской любви. На фотографиях он не такой, как «вживую»: соответствуют действительно лишь его габариты. В жизни он намного лучше, он весь светится изнутри».

Итак, поиск моих одноклассников сузился теперь до последнего моего одноклассника – Эдика Ненашева...

В течение полутора-двух месяцев Руслан каждый вечер исследовал данные Интернета, относившиеся к фамилии «Ненашев», но нашего огонекского Ненашева Эдика не обнаружилось ни на востоке, ни на западе страны, ни в Новосибирске, ни в Иркутске, ни на Украине, ни в центральной части России.

Я отправила несколько писем в разные города Украины и Крыма, где проживают Ненашевы с именем моего одноклассника и его родного брата Юрия. Посылала запрос в республиканскую газету «Якутия», но ответа не было. Была исследована вся информация о Ненашевых по Москве и Подмосковию. Откликнулась лишь одна женщина, но, к сожалению, с отрицательным ответом.

В начале июля минувшего года по электронной почте пришло письмо из Перми от Владимира Шишкина, которое еще раз подтвердило, насколько люди, прожившие в далеких таежных поселках, особенно родившиеся там, остаются на всю жизнь преданными и верными тем

местам. Прииск Огонек продолжает будоражить память и чувства людей, продолжает звать к себе.

В своем письме Владимир рассказал, что он родился и жил в Югоренке. В школе с ним учились ребята, выехавшие с родителями из Огонька, закрывшегося к этому времени как прииск. Владимир вспоминает, как в мартовские каникулы 1970 года он с огонекскими ребятами на лыжах пошли через сопку на Огонек. «За день мы дошли до зимовья Юки, – пишет Владимир, – и, переночевав, пошли через сопку, как раз тем же маршрутом, что описали Вы. В Огоньке в тот момент стояли одни пустые дома – все переехали в Югоренок. Остались только старики Михалевы. Мы ночевали в избушке напротив горы, о которой написали Вы».

Владимир имел в виду сопку «Булочку», у самого подножия которой жили когда-то Суверневы. Возможно, что ребята ночевали именно в их доме.

Далее Владимир сообщил, что он до окончания школы учился в одном классе с Сашей Королевым, сыном того самого Петра Королева, токаря из мехцеха, который когда-то обучил токарному делу моего старшего брата Александра. Письмо Владимира заканчивалось так, что мне, с одной стороны, несколько неловко привести его дословно, но, с другой стороны, жалко что-либо опустить из этого текста: иначе я не смогу передать горячих чувств автора письма, его эмоционального порыва, которое он испытал тогда.

Конец письма привожу дословно: «Уважаемая Валентина Ефимовна! Я от души благодарю Вас за вашу книгу. Как жаль, что не прочтут ее все те тысячи прошедших через золотые прииски Джугджура. Для меня Югоренок – это то место, где прошло мое счастливое, райское детство. Я с любовью помню каждую сопку и распадок в округе Югоренка. Хоть и закрываются наши поселки, я все равно возьму своего сына и привезу его до Югоренка и даже свожу его через Юковский перевал в Огонек. Еще раз спасибо и низкий поклон. Ваш земляк Владимир».

Дата письма: Mon 23 Jun 2008. 17:20:18+0400

Отец Владимира – Шишкин Иван был выслан из села Окатово Владимирской области по тому же указу, что и мой отец. «Дорога на край света» попала к Владимиру, скорее всего, через Алексея Китлинского.

В октябре – начале ноября 2007 г. мы разговаривали по телефону с Милой Тихомировой. Вдруг она говорит:

– Хочешь поговорить с Ирой Аллилуевой, помнишь ее?

– Как поговорить? Где она?

– Она у нас гостит, завтра уже отправляется домой, в Гомель. Она уже и книжку твою прочитала. Читала и плакала.

Оказалось, что Ира гостила у Милы с Володей целую неделю.

Мила передала трубку Ирине:

– Валечка, здравствуй! Ты помнишь меня?

– Ирочка, помню лишь имя и фамилию, помню, где ты жила на Огоньке, но лицо твое полностью исчезло из моей памяти. Пришли мне, пожалуйста, свою фотографию тех лет, я верну ее тебе. Мила даст тебе мой адрес.

Ира пообещала приехать в Москву, но, к сожалению, пока выбраться не сумела. Она живет с семьей сына в доме, который нужно ежедневно отапливать. Сын и сноха рано уезжают на работу, возвращаются поздно, поэтому Ирина поддерживает тепло в доме и не может приехать в Москву до наступления теплых дней.

Зато вскоре после нашего с ней разговора Ирина прислала фотографию, на которой она со своей подругой и одноклассницей Людой Артамоновой стоят в молодой лиственный поросли где-то в районе Верхнего Жара на Огоньке. Я, взглянув на фотографию, сразу же поняла, кто из девочек Ира Аллилуева, Еще на Огоньке я знала, что Ирина – внучатая племянница Надежды Аллилуевой. По словам Милы, Ирина приходится ей дальней родственницей по линии матери.

В одном из писем, очень большом по объему, Ирина подробно написала о своем раннем и школьном детстве. Родилась она в Ыныкчане, по дороге в Аллах-Юнь, в котором годом раньше родилась Мила Тихомирова. Отец ее, Серафим Яковлевич Аллилуев, был строителем и многократно перемещался из одного поселка в другой в пределах Аллах-Юньского района Якутской АССР, который по площади был больше многих центральных областей страны.

Ира пишет, что на Огоньке они жили сначала в 1946–48 гг., с 1948 по 1951 гг. – на Юре. В 1951 г. отца перевели на Югоренок, в 1952-ом – снова на Огонек, потом снова на Югоренок, где он запускал электростанцию и какое-то время был ее начальником. Семья Аллилуевых часто меняла место жительства, а Ирина – школы.

«Я училась и на Юре, и в Югоренке, и на Огоньке. Жила и на квартирах, и в интернатах», – писала Ирина.

Ира помнит, как ее родители и она впервые добирались на Огонек. От Ыныкчана до Югоренка ехали и на грузовых машинах, где было возможно, и на лодках, и на лошадях. Отец оставил жену и дочку в зимовье на противоположном от Югоренка берегу, а сам пошел через Юковский перевал на Огонек.

После ледохода отправился на лодке в Югоренок. На обратном пути отец Иры тащил лодку за веревку вверх по Юдому. «Мы сидели с мамой в лодке, как барыни, – вспоминает Ира. Я хорошо помню, как одну ночь ночевали на берегу. Развели костер, кипятили чай и ели американскую тушенку. Потом папа наломал много веток и настелил нам постель. Мы с мамой легли спать, а он сидел у костра. Костер потрескивал, и было так хорошо! Через какое-то время папа вдруг насторожился, прислушиваясь, подошел к нам и шепотом сказал, чтобы мы быстро прыгали в лодку, а сам моментально залил костер, покидал вещи в лодку, и мы поплыли на другой берег. Когда отплыли от берега метров сто, увидели, как на наше место вышли человек пять или шесть «зэков». Они что-то громко кричали. Папа выстрелил в воздух из ружья, вроде, как предупредил. Когда переплыли Юдому, там уже мама с папой тащили лодку вместе. Это был 1946 год».

Удивительно то, что и Ирина вспоминает о своем таежном детстве, так же, как и Алексей Китлинский, как и Владимир Шишкин из Перми, как и Олег Платонов из Калининграда, как и я сама. Привожу дословно выдержку из этого же письма:

«Какие были времена!! Какое было счастье, какое было прекрасное детство! Трудное, но прекрасное. Помню, как рубили лед на нашем ручейке – Жаре, таскали его домой, таяли, а потом пили чай с ягодами. И он был такой вкусный!»

Удивительно, просто трудно понять, почему мы теперь вспоминаем, что были необыкновенно счастливы тогда? Мы же говорим об этом совершенно искренне. Может, оттого, что у нас после войны у всех были отцы, еще очень молодые и здоровые? Может, оттого, что переносили неимоверно суровые зимы, и были счастливы, что сидим в тепле и пьем горячий чай с брусникой или голубикой?

И еще хочется рассказать об одном событии, связанном с Огоньком. Год назад Миля Силантьева (Лагуткина) из Ачинска попросила меня попробовать отыскать ее одноклассницу и подругу Свету Соколову. Миля написала, что в начале шестидесятых она получала письма от Светы из г. Щигры Курской области, где она жила с родителями. Отец Светы тогда работал, как написала мне Миля, на местном фосфорном заводе, а Света заканчивала среднюю школу. Затем Света со второй попытки поступила в Ленинградский медицинский институт, а сама Миля за прошедшие десятки лет неоднократно меняла место жительства от Омской области до Иркутской. Миля на всякий случай написала мне то, что помнила от адреса Светы Соколовой: «Курская область, г. Щигры, фосфорный завод, улицу не помню».

Мне ничего не оставалось делать, как отправить письмо почти так, как чеховский Ванька Жуков – «На деревню дедушке Константину Макарычу». Я направила письмо в администра-

цию фосфорного завода. Буквально через три-четыре дня я услышала в телефонной трубке незнакомый женский голос:

– Здравствуйте, вас беспокоит Мшенская Галина Александровна из Щигров. Я прочитала Ваше письмо, в котором Вы спрашиваете о семье Соколовых...»

Ну, что тут скажешь, кроме того, что народ наш необыкновенный – душевный, отзывчивый?

Совершенно незнакомая мне женщина рассказала, что фосфорный завод давно закрыт, так как был выработан местный карьер, поставлявший сырье заводу. Галина Александровна опросила уже много людей, ранее работавших на этом заводе, но никто из них не знал Соколовых. «Но я буду продолжать искать людей, которые работали на заводе в 60-е годы и могли знать кого-либо из Соколовых», – сказала Галина Александровна.

Я до глубины души была тронута искренним желанием Галины Александровны помочь мне отыскать того, кого я и сама никогда не видела, кроме как на фотографиях, присланных мне Милей из Ачинска.

Вскоре Галина Александровна ошеломила меня совершенно невероятной новостью. Она нашла в Щиграх подругу Светы Соколовой. Оказалось, что Света Соколова, теперь Светлана Митрофановна Амосова, проживает в Усть-Илимске Иркутской области и работает там педиатром. Получилось так, что Миля Силантьева и ее школьная подруга Света Соколова уже много лет живут совсем недалеко друг от друга. Минувшим летом Миля сообщила, что переписываются со Светой и намереваются вскоре встретиться.

А у меня среди знакомых людей появилась замечательная русская женщина Мшенская Г. А., – энергичная, дружелюбная и жизнерадостная, с которой я с удовольствием поддерживаю связь. В июле 2008 г. она приезжала ко мне в гости с тринадцатилетней внучкой Наташей, как две капли воды похожей на свою очень молодую бабушку.

Мы поддерживаем связь и со всей семьей Ельцовых, которых так неожиданно для самих себя отыскали два года назад в д. Малое Уварово, что находится в Коломенском районе в нескольких километрах от нашей Индустрии. Мы регулярно встречаемся с ними и почти в каждый выходной или праздничный день разговариваем по телефону с Галиной Михайловной Зубцовой. Она – жена Юры и невестка Любы Ельцовой, с которыми мы ехали в одной теплушке летом 1948 г., направляясь со своими родителями в отдаленные районы страны, или «на край света», как говорили тогда женщины-попутчицы.

Часть II

Новая жизнь

«На пятые сутки мы сошли на перроне Ярославского вокзала. Мама плакала, отец немедленно закурил, как только ступил на московскую землю. Навстречу нам бежали все Деевы: тетя Ньюша, дядя Яша, Нина Сережа. Начиналась новая для нас жизнь. Для меня совершенно новая и с новыми людьми...» Так закончилась наша дорога из далекого таежного поселка Огонек, которого уже нет на карте почти тридцать лет. Так заканчивалась и моя книга «Дорога на край света».

От тех, кто прочитал книгу, особенно от родственников и хорошо знакомых людей, последовали вопросы по ее содержанию, предложения написать о том, что же было дальше по возвращении в Москву. Поупиравшись несколько месяцев, отказываясь от таких предложений, я начала потихоньку «сдаваться»: может, попробоваться, может, осилю написать еще и о московских своих одноклассниках, с которыми не только училась, но общаюсь последние два десятка лет. Написать о них, о наших учителях, написать о том, что пока еще удерживает память.

Сегодня дважды звонила моя одноклассница, а последние сорок лет и моя родственница – Рая Царькова. Звонила и «наша Наташа», или «мать Тереза», как мы еще называем ее между собой. Во многом благодаря именно ей мы все знаем друг о друге – и радостное, и грустное. Мы приучились за многие годы «сбрасывать» на Наташу Голубеву все, что нас беспокоит и что нас радует. А Наташа в ответ то радуется за нас, то слегка попеняет, как, например, недавно в парке имени 50-летия Октября внушала мне, что я неправа в размолвке с собственной дочерью. «Я не узнаю тебя, Валя, – выговаривала она мне. – Как ты могла сказать такое?!» «Посмотри, посмотри мне в глаза и скажи, что ты ведь неправа», – теребила меня наша классная предводительница.

О новых своих одноклассниках расскажу попозже.

А пока наша семья вернулась из ссылки, хотя пять лет назад сослан был лишь наш отец «в отдаленные районы страны». Первая моя поездка в Москву с мамой была в ноябрьские праздники 1947 г., а сейчас был конец 1953 г. В отличие от первой моей поездки в Москву, в этот раз дорогу от Ярославского вокзала до Большого Ново-Коптевского проезда, до дома, в котором жила семья маминой средней сестры Анны, не помню совершенно. Запомнила только, как она, перецеловав всех нас поочередно, критически осматривала нашу одежду и обувь. Для московского ноября месяца мы были одеты, конечно, очень живописно: все в валенках, в ватных брюках, я в дубленом полушубке, который был моей гордостью на Огоньке, а теперь был прокомментирован тетей Ньюшей с улыбкой, что «теперь такие в Москве не носят».

На голове у папы «восседала» старая лопухая беличья шапка, которую кто-то оставил на вешалке в коридоре гостиницы в Якутске, взамен новой папиной, сшитой огонекским скорняком накануне нашего отъезда с прииска.

Зато незабываемым остался обед у тети Ньюши. Я уже рассказывала, как мы сели в скорый поезд «Владивосток-Москва» в Красноярске практически без еды. Вагон-ресторан был не по карману моим родителям, а поезд останавливался лишь в больших городах, да к тому же Новосибирск, Тюмень и Молотов (нынешнюю Пермь) мы миновали ночью. Папа выбегал на перрон городов, в которых поезд стоял 10–15 минут и возвращался с какой-нибудь добычей. Однажды принес горячей картошки, два соленых огурца и буханку хлеба. Пир был роскошным.

В Кирове, когда поезд стал набирать скорость, мама вдруг побелела: наш кормилец-то не вернулся. Она выскочила из купе, к заднему тамбуру. Казалось, прошла целая вечность, когда мама снова оказалась в дверном проеме купе, а из-за ее спины – улыбающееся лицо отца. «Что, испугались? – спросил он. – Зато посмотрите, что я принес». И на вагонном столике

он развернул кулек из старой газеты, в котором оказался винегрет. Это из-за него он чуть не отстал от поезда. Но зато хлеба он не принес. Помню, мы жадно набросились на этот винегрет, состоявший большей частью из мелкой картошки, сваренной в кожуре и нарезанной на кусочки. Картошка была едва окрашена в свекольный цвет. Капусты в этом винегрете также было маловато, а огурцов мы не обнаружили вовсе. Съев этот винегрет без хлеба, мы вскоре начали жаловаться друг другу на тошноту.

А обед у тети Ньюши показался нам царским: щи со свиной, огромный таган жареной картошки, магазинные котлеты, показавшиеся нам необыкновенно вкусными, и домашние соленые бочковые огурцы! Вот на эти огурцы мы и набросились, как с голодного мыса. Тетя Ньюша несколько раз подкладывала нам в общую тарелку горку соленых огуречных кружков, которые тут же исчезали. Ведь огурцов мы не пробовали больше пяти лет – ни свежих, ни соленых.

После обеда родители рассказали, как мы добирались с Огонька и почему так долго. Отвечали на вопросы тети Ньюши и дяди Яши о том, как мы зимовали такие холодные зимы. Сам собой возник вопрос, что будем делать дальше, где теперь будем жить?

Документами о досрочном освобождении отцу предписывалось вернуться на прежнее место жительства и сделать отметку о прибытии. Родителям страшно не хотелось возвращаться в Гололобово, ставшее теперь для них символом их несчастья. Этот вопрос их беспокоил тогда больше всего.

Тетя Ньюша осознавала, что понадобится время для решения вопросов, связанных с определением места проживания, покупки какого-либо жилья, устройством отца на работу и т. д. Она понимала, что у меня как старшеклассницы пропущено уже три недели учебного времени. Приведя свои доводы, тетя Ньюша предложила на время устройства родителей оставить меня у них и отправить учиться в ближайшую женскую школу. В 1953–54 учебном году школы в Москве были еще с раздельным обучением – женские и мужские. Мне предстояло учиться в женской средней школе № 149, находящейся недалеко от трамвайной остановки «Поселок Сокол».

И еще один вопрос волновал тетю Ньюшу: в чем я пойду в школу? По ее словам, в валенках и овчинном полушубке идти в школу нельзя. На следующий день тетя Ньюша и мама стали распарывать мамино зимнее пальто, чтобы перешить из него пальто для меня. Предполагалось, что мама будет теперь носить мой полушубок.

Мамино пальто было суконное, ярко-зеленого цвета, с черным каракулевым воротником. Через полтора дня пальто для меня было готово. Помню, как правая пола во время ходьбы все время откидывалась вправо, обнажая мое колено. В этом пальто я проходила три зимы, и только в начале зимы 1957 г. родители купили мне новое пальто василькового цвета с блестящими цигейковыми светло-коричневым воротником и манжетами. Пальто было с поясом и накладными карманами. Тогда же была куплена мне и серая шляпа из искусственного каракуля с полями в форме валика.

На Огонек я отправила два письма – Миле и Олегу, в которых сообщила, что буду учиться в Москве, а также по какому адресу слать мне письма.

В один из последних ноябрьских дней 1953 г. тетя Ньюша повела меня в 9-й класс московской школы. По дороге в школу я узнала от своей тети, что широкая улица, ведущая к школе, называется Волоколамское шоссе.

– Она начинается от трамвайной остановки «Поселок Сокол» и идет в сторону Волоколамска, – сказала тетя Ньюша.

– Такая длинная? – удивилась я.

– Да нет. Когда выедешь из Москвы эта улица становится обычным шоссе. Там уже нет ни трамваев, ни троллейбусов. А вон пищевой институт, – сказала тетя Ньюша, показывая на здание справа.

– А вот Сережина школа № 147. Это мужская школа, а ты будешь учиться в женской школе.

Так я впервые узнала, что в Москве девочки и мальчики учатся отдельно. Очень хотелось задать вопрос «Почему?», но тетя в это время сказала:

– Вот, видишь, написано: «Московский авиационный институт». Это МАИ, так мы его называем. Здесь ты будешь переходить улицу. Сначала нужно посмотреть налево... – и тетя подробно проинструктировала меня, как пересечь Волоколамское шоссе, чтобы не попасть ни под машину, ни под трамвай.

Мы благополучно перешли улицу и вошли под арку огромного, как мне показалось, дома и через такую же арку вышли со двора и свернули направо.

– А вот и твоя школа, – весело сказала тетя и показала на кирпичное здание.

– Московская общеобразовательная женская школа № 149 – прочитала я на голубой вывеске.

Справа от этой вывески на жестяном круге был написан адрес школы: «Ул. Врубеля, д. 4».

Эта школа сильно отличалась от двух моих прежних школ. Она была четырехэтажной, с огромными окнами, большим залом и раздевалкой.

Мы вошли в кабинет директора школы – Комаровой Клавдии Михайловны, женщины очень строгой, как мне показалось. Я была в зеленом пальто и в новых ярко-красных зимних ботинках. Клавдия Михайловна удивилась, что новая ученица приехала из очень уж далеких от Москвы мест, но, увидев в дневнике за I четверть оценки, большинство из которых было «пятерками», отправила меня в 9 «Б» класс.

В этом классе я проучилась недолго. Из учителей успела запомнить лишь Ефросинью Петровну, учительницу по английскому языку. Ее урок был в нашем классе на третий день моей учебы в московской школе. Она вплыла в класс – довольно крупная, полноватая, особенно в нижней части тела, и, заметив новую ученицу, что-то произнесла, глядя на меня. Я сидела, подперев левой рукой щеку, и внимательно смотрела ей в лицо. Девочка, сидевшая за моей спиной, ткнула меня в спину. Я оглянулась:

– Ты чего?

– Отвечай! – сказала та шепотом.

– Что? – ответила я, недоумеваю.

– Как тебя зовут!

Я встала и произнесла:

– Валя Погодина.

– А почему отвечаешь по-русски? – спросила учительница.

– Я по-английски не умею.

– А какой же ты язык изучала?

– Английский, но только первую четверть в этом году. Мы успели изучить только алфавит.

Ефросинья Петровна (ее имя я узнала из записки, которую вскоре передала мне сидевшая позади меня девочка) сделала «круглые» глаза:

– Где же ты, дорогая, училась?

– На прииске Огонек в Якутии – ответила я.

– Как же тебя приняли в московскую школу (она голосом усилила значение слова «московскую», выразительно взглянув на меня) с такой периферии? – почти возмущенно произнесла учительница.

Что такое «периферия» я не имела понятия. Вскоре последовал очередной толчок мне в спину, и та же девочка передала мне записку. Я осторожно развернула ее и прочитала: «На перемене подойди к Ефросинье Петровне и спроси, кого она тебе порекомендует репетитором».

Два последних слова были для меня «чужеземными», особенно слово «репетитор». На Огоньке мы «репетировали» стихи, песни, гимнастические упражнения к праздникам и даже целые спектакли.

Я сидела и зубрила про себя мудреную фразу: «Ефросинья Петровна, кого Вы мне порекомендуете репетитором?» Урок проходил мимо моего сознания. Девочки что-то отвечали по-английски, Ефросинья Петровна поправляла их тоже по-английски.

Со страхом я ожидала конца урока и, как только прозвенел звонок, подошла к учительскому столу и, запинаясь, произнесла ту самую фразу, страшно покраснев при этом. Сердце мое заколотилось в груди, готовое выпрыгнуть из нее.

А Ефросинья Петровна неожиданно дружелюбно ответила: «Хорошо, я поговорю с Ириной Ефимовной, может, она согласится позаниматься с тобой». Ирина Ефимовна сама подошла ко мне на следующий день и сказала, что будет заниматься со мной два раза в неделю по часу. И назвала тариф – двадцать рублей в час.

Никаких проблем не было у меня на уроках русского языка и литературы, математики, физики, истории. Но на первом же уроке по химии я поняла, что химию я знаю примерно так же, как английский язык. На Огоньке мы начали изучать химию во второй половине учебного года в 8 классе. За две четверти прогнали материал шестого и седьмого классов, а в девятом классе начали изучать программу восьмого класса. Учительнице, по всей видимости, по моему лицу было понятно, что я нахожусь в полном недоумении, о чем идет речь на уроках химии, и к доске она меня не вызывала.

Даже на уроках географии, которых и было-то всего лишь, кажется, по одному в неделю, у меня были свои трудности. Ответив домашнее задание, я не могла показать на карте то, что мне было предложено: месторождения медных руд в нашей стране. На Огоньке у нас была лишь карта полушарий Земли. На этом уроке я получила вторую в жизни «тройку». Первую получила в третьем классе. Нина Петровна Гроздова при всей ее любви ко мне как прилежной ученице с удовольствием вклеила мне тройку за диктант, в котором я написала: «Старик сидел на берегу и ловил рыбу».

Прошел первый месяц моей учебы в новой школе, он же оказался и концом второй четверти.

После зимних каникул через неделю учебы в школе я оказалась в институте Склифосовского. Там глубокой ночью хирурги показали мне мой червеобразный отросток – аппендикс. Почему я оказалась в «Склифе» – непонятно.

В тот день, придя из школы, я села обедать с тетей Нюшей и Сережей. Тетя Нюша попросила передать ей чайник. Я протянула его через стол и вдруг охнула. «Ты что?» – спросила тетя Нюша. «Больно вот здесь», – и я показала, где больно.

Тетя Нюша немедленно повезла меня к хирургу в поликлинику, которая тогда находилась на площади Марины Расковой. Из этой поликлиники нас отвезли в Боткинскую больницу, а оттуда – уже под самый вечер – в Институт Склифосовского.

У меня и девочки-украинки Маши взяли кровь на анализ, сделали обеим косметическую подготовку к операции. Потом через некоторое время у Маши сделали забор крови повторно. «А у меня?» – спросила я. «А ты, наверное, домой поедешь», – ответила мне лаборантка. А еще через час-полтора в нашу небольшую палату вкатили каталку и предложили мне улечься на нее.

– Мне сказали недавно, что мне не будут делать операцию, – пыталась я восстановить истину.

– Ложись давай, не разговаривай! Докторам, наверно, виднее, кого оперировать. Лейкоцитоз у тебя высокий, – сердито сказала женщина в белом халате и добавила:

– Рубашку-то сними! Да не бойся, через три дня домой пойдешь, – уже миролюбиво сказала она.

И меня вкатили в операционную. Я впервые в жизни была в настоящей операционной. В два ряда стояли операционные столы с огромными лампами над ними, в которых отчетливо отражался живот оперируемого. Хирург и его ассистент, весело переговариваясь между собой, чем-то холодным намазали правую часть моего живота, сделали один укол, который напоминал пчелиный укус, а каждый последующий становился все менее ощутимым. Потом послышался скрип скальпеля и голос: «Кожица-то тоненькая, как на курчонке – сама ползет».

В это время в моем ряду, в двух столах правее от меня, кричала молодая женщина. Грудной женский голос пытался увещевать ее:

– Лена, как тебе не стыдно! Вон посмотри: девочке делают такую же операцию, как и тебе, а она лежит – улыбается. А тебе ведь 27 лет!

Лена повернула голову в мою сторону, сердито взглянула на меня и снова заорала благим матом.

На следующий день ко мне подошла няня и спросила: «Тебе утку дать?» Я утвердительно кивнула головой, т. к. уже видела, какой предмет в больнице называют «уткой». Эта «утка» простояла подо мной целые сутки безрезультатно.

При обходе женщина-доктор обнаружила, что у меня твердый и горячий живот. На ее вопросы я отрицательно мотала головой: нет, не было никакого «стула».

– А чего же ты молчишь? – сердилась на меня доктор, – на тот свет, что ли, захотела?

– А меня не чистили перед операцией, – ответила я.

– Как это – не чистили? Что ты болтаешь, такого не бывает!

Я рассказала, как собирались делать операцию моей соседке по палате, а увезли меня.

Доктор резко встала и ушла, но вскоре вернулась с катетром в руках. Через две-три минуты мне жить стало легче. «А чистить-то, видно, и нечего было: пообедать-то я не успела», – подумала я.

Еще через день мне разрешили вставать. Институт был переполнен больными. Я лежала в «красном уголке» хирургии, где разместили тридцать два человека послеоперационных больных. В первый же свой день, когда мне разрешили вставать и осторожно ходить, я познакомилась с двумя молодыми женщинами – Галинами. Одна из них была москвичка, а другая – из Украины, но жила уже в Москве восемь лет. С этой Галиной я познакомилась, когда потихоньку продвигаясь между близко стоявшими друг к другу кроватями, я увидела необычную картину. На одной из стоявших в глубине «красного уголка» кроватей молодая женщина пила компот, сначала набирая его в рот и подержав там две-три секунды, выливая в воронку, вставленную в резиновую трубку, уходившую к ней под рубашку. «Выпив» таким способом несколько глотков, остатки компота она вылила сразу в воронку. Я остановилась, как вкопанная, а женщина, улыбаясь, сказала:

– Вот мы и пообедали!

В моих глазах стоял немой вопрос «Почему?», и женщина показала мне грудь, которая была, как тельняшка – в полоску, но только из узких полосок кожи с неровными от рубцов краями – результат от многочисленных операций, которые пришлось перенести этой неунывающей женщине. По ее словам, в Склифо-совском ей сделали за восемь лет двадцать восемь операций! Я мысленно отсчитала от пятидесяти четырех восемь лет. Значит, беда с ней случилась в 1946 году.

Гале в тот роковой день исполнилось двадцать лет, и именно в тот день должна была быть ее свадьба.

Она прибежала с работы домой пораньше, в четыре вечера. Нужно было подготовить стол к свадьбе: сварить картошку, почистить селедку, сделать винегрет. От быстрой ходьбы ей захотелось пить. В это время мама Гали что-то торопливо стирала в большом алюминиевом тазу. Рядом на краю стола стояла эмалированная кружка с водой. Галя быстро поднесла кружку ко рту и сделала большой глоток под душераздирающий крик матери: в кружке был каустик!

В войну и в первые послевоенные годы каустик, концентрированную щелочь, использовали из-за отсутствия мыла при стирке белья.

В тот вечер вместо свадьбы Галя оказалась на больничной койке в районной больнице, откуда на следующий день ее доставили самолетом в Москву – в институт Склифосовского. У нее были обожжены гортань, пищевод, часть желудка и кожные покровы на грудной клетке. В тот день, когда я увидела Галю, ее готовили к очередной операции. В этот раз ей должны были сделать пищевод из отрезка ее тонкой кишки, а пользоваться им она начнет позднее, когда заживут рубцы. Тогда и компот Галя будет пить через рот, а не через фистулу в желудке.

А ее молодой человек, с которым не состоялась свадьба в тот злосчастный вечер, приехал через некоторое время к ней в Москву, устроился кочегаром в котельной, которая отапливала институт. Галя между операциями работала дворником. Между операциями и дочку родила. Жили они все трое при институте, в небольшой служебной комнате...

Я стояла и слушала Галю – молодую красивую женщину, рассказывавшую такую драматическую историю своих последних восьми лет, что даже мне, шестнадцатилетней, было понятно, какой здоровый и сильный дух сидит в этом жизнерадостном человеке. Я невольно сравнила ее с той Леной, ровесницей Гали, кричавшей в операционной, как будто ей голову отрезали, а не аппендикс.

В этот момент я увидела, как в открывшуюся дверь «красного уголка» входит женщина, похожая, как две капли воды, на мою маму. Женщина, поворачивая голову то влево, то вправо, взглядывалась в людей, лежавших на кроватях, пытаясь кого-то отыскать.

«Боже, так это ведь и в самом деле моя мама! Как же она сюда попала? Ведь к нам никого не пускают, у нас карантин», – подумала я, и, придерживая шов рукой, поковыляла ей навстречу.

Мы обнялись, обе прослезились, и она рассказала, что тетя Ньюша прислала телеграмму о том, что мне сделали операцию.

– Как же тебя пропустили-то? Ведь у нас карантин из-за гриппа, – спросила я. Оказалось, что маме удалось пройти к главному врачу, который, не выдержав маминых слез, разрешил ей короткое свидание со мной.

Мама рассказала, что на зиму они – мой отец, она и мой младший брат, поселились в Горностаеве у своей бывшей соседки тети Клани Конновой. Отец уже начал работать кузнецом в совхозе «Индустрия», в котором работал с 1939 по 1945 гг. Недавно он ездил на лошади в деревню Зарудня, где продается дом. Он посмотрел его и решил купить дом на слом, перевести в Индустрию и поставить его на берегу Северки.

– Уже обещали и землю выделить под дом и огород – целых тридцать соток! – радостно сообщила мама.

Мама рассказала и о том, как они с отцом ездили в Гололобово, откуда был выслан отец в июле сорок восьмого года. Сначала они заехали в Коломну, в милицию, чтобы узнать, где им теперь следует жить после возвращения из ссылки, а, главное, нужно ли возвращаться в то село, откуда его выслал бывший приятель. Начальник милиции, бегло просмотрев документы отца, равнодушно буркнул:

– А где хочешь, там и живи...

У моих родителей отлегло от сердца: ни за какие коврижки им не хотелось возвращаться в Гололобово. Но, выйдя на улицу и затянувшись папиросным дымом, отец как-то необычно озорно и весело сказал:

– А давай все же махнем в Гололобово! С Тимониными по видаемся. Заодно надо бы увидеть и «Жидка». Вот, думаю, он обрадуется!

Мама начала было отговаривать отца от поездки. Она побаивалась встречи с бывшим председателем колхоза Иваном Алексеевичем Карцевым: в первые годы ссылки отец, подвыпив, грозился, что когда вернется из ссылки, убьет «Жидка».

И вот они подходят к Гололобову. За прошедших пять лет вроде ничего и не изменилось. Вот двухэтажный магазинчик на самом краю села со стороны Озерского шоссе, а рядом чайная. Отец предложил зайти в чайную, чтобы выпить сто граммов – для храбрости. Только они открыли дверь, первым, кого они встретили, был тот самый «Жидок». Иван Алексеевич занервничал, заюлил, как не раз позднее рассказывал отец.

– Ефимыч, это не я, не я тебя выслал! Это колхозники! – торопливо и негромко проговорил Иван Алексеевич, оглядываясь через плечо на посетителей чайной.

– Ну-ну... – усмехнулся отец, – колхозники, значит, виноваты... Мама попыталась напомнить Ивану Алексеевичу, как это было на самом деле, но отец остановил ее:

– Кончай, мать! Ему это на том свете зачтется! – и прошел к мужикам, сидевшим в чайной...

Мама пробыла у меня с полчаса.

– Ой, надоть идти, а то я просилась на минуточку, только посмотреть на тебя, – сказала она, пытаясь отыскать где-нибудь настенные часы.

Из окна я смотрела, как мама уходила от института, часто оборачиваясь, но не зная, откуда я могла бы видеть ее. Окно, из которого я наблюдала за мамой, закрывала одна из больших колонн парадного подъезда института. Она отходила все дальше, продолжая поворачиваться в сторону окон – в серых валенках с галошами, в бывшем моем полушубке и в старой пуховой шали, которую несколько лет тому назад изодрал в клочья Нуфка Тихомировых, когда я была у Милы на ее дне рождения...

Вторая Галя, с которой я познакомилась в «Склифе», была москвичкой. Она рассказала, что она – актриса, снималась в фильме «Свадьба с приданным». В дальнейшем я внимательно всматривалась в титры этого фильма, но фамилии Трифонова не обнаруживала. Возможно, она снималась в массовых сценах или у нее был актерский псевдоним, но роль веселой певуны и плясуньи исполняла актриса с другой фамилией.

К Гале приходил ее муж – коренастый, молодой и хорошо одетый мужчина. Галя рассказывала, что ее муж – замминистра промышленности, тяжелой или легкой, не помню. Галя попала в институт с ножевым ранением под правую лопатку. Она после спектакля возвращалась домой поздно вечером. Жили они с мужем на четвертом этаже. Она начала подниматься уже на третий этаж, когда, оглянувшись, увидела, что ее нагоняет посторонний мужчина. Галя побежала по ступенькам вверх. Успела добежать до своей двери и нажать на кнопку звонка. Грабитель нанес ей удар в спину, но снять шубу с нее, видно, побоялся...

Через пять дней тетя Ньюша забрала меня домой. Мы долго ехали трамваем, помнится, это был № 23.

На следующий день я потихоньку отправилась в школу, чтобы отнести справку об освобождении от учебы еще на неделю. В школе шел урок. Я отдала справку секретарю и направилась домой. Накануне был солнечный день, остатки снега на тротуарах и проезжей части Волоколамского шоссе подтаяли, а к вечеру образовавшиеся лужи превратились в мини-катки. Сегодня солнце решило отсидеться за плотными серыми облаками. Я шла осторожно, но мои ноги, обутые в новые ярко-красные зимние ботинки, разъезжались в разные стороны. Я перешагнула через две пары трамвайных рельсов и оказалась на Волоколамке, как раз напротив центрального входа в МАИ. Слева от меня ближайшая автомашина была около строящегося здания художественного училища им. Строганова, справа из-за угла, со стороны Ленинградского шоссе, выезжал оранжевый автобус. Когда я дошагала до середины шоссе, расстояние между мной и автобусом резко сократилось, я заторопилась и около самой бровки растянулась плашмя на живот.

Резко, пронзительно закрипели тормоза автобуса. Выскочивший из него с перекошенным лицом водитель грязно выругался, схватил меня за правую руку и выкинул, как лягушку, на тротуар. Я еще раз шлепнулась об асфальт животом, но больше левой стороной. Проходив-

шая мимо пожилая женщина, ругая и меня, и водителя, помогла мне встать, отряхнула и пошла в сторону развилки. Я поблагодарила ее вслед, и слезы, наконец, хлынули потоком. Шов, мне казалось, разошелся наверняка. «Хоть бы кишки не вывалились», – думала я со страхом. Шов был длиной в мою четверть. Видно, моя очень тонкая, без единой жиринки, кожа расплзлась в обе стороны от скальпеля самопроизвольно. У всех моих знакомых мне людей, перенесших такую же операцию, шов был вдвое короче моего.

А тетя Ньюша меня тоже по головке не погладила.

– Куда тебя понесло? – ворчливо сказала она, – справку отдают тогда, когда возвращаются после болезни, а не во время ее.

Но увидев, как мои глаза наполняются слезами, добавила мягче:

– Дорогу-то нужно переходить осторожно, когда машины далеко с обеих сторон. Куда тебе было спешить? Ведь это Москва!

Как-то так получилось, что я, поселившись у тети Ньюши на время, осталась у нее надолго, с небольшим перерывом – до моего замужества. Вся моя юность прошла в семье Деевых тети Ньюши и дяди Яши. Дядя Яша был добрейшим человеком. Он относился ко мне, как к своему ребенку.

– Валь, дочка, – именно так он обычно обращался ко мне. Он всегда был моим сторонником во всех ситуациях. Главой семьи была, конечно, моя тетя.

Дядя Яша нередко возвращался с работы «веселеньким», и иногда, раздевшись до нижнего белья, садился за стол, запускал обе немые руки в волосы и никак не соглашался начать умываться.

Все удобства тогда были в жилой комнате. Голову вымыть, ночью сходить по малой нужде, ноги ополоснуть перед сном – все делалось в этой комнате. Здесь же стояла и узкая высокая печка из кирпича. Ее топили в холодное время года дровами. Еда готовилась, в основном, на кухне – на примусах, заправляемых бензином, на керосинках и керогазах.

До 1960 г. мои родные, у которых я поселилась на время, жили в двухэтажном бараке. На каждом этаже с торцевых сторон барака находилось по пять одинаковых комнат с большим окном и такого же размера шестая комната, приспособленная под общую кухню. Слева от входа на кухню размещалась большая раковина с двумя кранами. Вдоль стен стояли индивидуальные столы с примусами, керосинками и керогазами, а у окна находился большой деревянный ларь с крышкой. Что в нем хранили, не помню.

Жильцы по очереди поддерживали порядок на кухне и в общем коридоре. В субботу вечером дежурившая семья тщательно мыла деревянный некрашенный пол и красила его яркой желто-оранжевой сухой краской, разведенной в небольшом количестве воды. Кухня предназначалась для готовки пищи и мытья посуды. Столы не захламлялись. Когда готовили сразу на нескольких примусах, в кухне стоял такой шум от них, как от современной газосварки.

В моей памяти больше всего сохранилась картина, которую можно было увидеть на кухне только в позднее время: стоило только включить свет, как на ярком полу обнаруживалось великое множество черных тараканов! Через несколько мгновений они исчезали, как их и не бывало. Ни до Москвы, ни позднее, ни на юге, ни на севере – нигде мне не доводилось встречать таких монстров. По словам жильцов, они были неистребимы!

Я отвлеклась от дяди Яши. Так вот, когда сильно подвыпивший спиртного, дядя Яша усаживался за стол и запускал немые руки в волосы, терпение моей тети истощалось. Она подтаскивала табуретку и таз с водой к нему поближе и начинала принудительное омовение, одной рукой наклоняя голову мужа над тазом, а другой поливая из коричневого эмалированного кофейника. Тетя Ньюша намывивала супругу голову, энергично вспенивала шампунь, не щадя и кожу головы. Дядька крепко держался руками за края большого таза, возмущался, приговаривая:

– Анна, черт, потише, голову оторвешь!

Мыльная вода попадала ему в рот, он яростно отплевывался... А тетке моей, мне казалось, даже нравилось проводить эту довольно часто повторявшуюся процедуру. Когда дядя Яша пытался приподнять голову вверх, тетя Нюша быстро восстанавливала исходное положение, энергично толкая левой рукой его голову. В этом же тазу отмывались руки и ноги дядьки, затем все споласкивалось – «клиент» становился чистым с головы до пят.

Тетя Нюша была хозяйкой превосходной: чистоplotная, умелая, рачительная. Ежегодно выращивала к зиме поросенка, у нее были куры, небольшой огородик за сарайчиком, спускавшийся к насыпи окружной железной дороги, проходившей по западной окраине Москвы.

В те вечера, когда дядя Яша приходил домой «навеселе», он каждый раз входил в комнату, подняв средний палец правой руки вверх (указательный был срезан осколком снаряда на фронте в 1943 году) и, улыбаясь, приговаривал непослушными губами: «Тише-тише!» Это «тише-тише» продолжалось до тех пор, пока тетя Нюша не разует и не разденет его. И каждый раз все шло по одному и тому же сценарию.

Дядя Яша работал шофером в тресте благоустройства Ленинградского района, позднее стал дежурным механиком, выпускавшим уборочные автомашины на работу.

Отец дяди Яши – Федор Нилыч Деев – много лет проработал в Малом театре обивщиком мебели. В начале тридцатых годов двадцатилетний старший сын Яков стал помогать отцу в театре ремонтировать мягкую мебель. В семье Федора Нилыча было три сына: Яков, Иван и Борис – все родом из деревни Васьково Малинского района Московской области, из той самой деревни, в которой родились и рано остались круглыми сиротами три девочки: четырехлетняя Настя, моя будущая мама, и две ее сестры Ольга и Анна.

Через три года Яков женился на средней из сестер – Анне Шевелкиной. Молодую жену Яков привел к родителям и своим уже взрослым двум братьям. Вся семья размещалась в двух смежных комнатках барака в районе, где позднее появилась станция метро «Войковская». Когда через год у Якова и Анны (Нюры) родилась дочка Нина, первой ее «кроватькой» был выдвигающийся из старого комода средний ящик.

В двухэтажный барак семья дяди Яши въехала, когда он, окончив курсы шоферов, начал работать в тресте очистки, как он назывался поначалу. С торцов этого барака были пристроены деревянные лестницы с перилами, заканчивавшиеся перед маленькой крытой площадочкой и входной дверью второго этажа. Главное «удобство» находилось справа от барака на расстоянии десяти метров. На левой двери дощатого строения красовалась буква «Ж», на правой – «М».

Барак располагался среди сосен. С юго-западной стороны окна выходили на окружную железную дорогу, но редко проходившие мимо грузовые поезда особенно не беспокоили жильцов барака.

В описываемое время соседями по общей кухне у моих родственников была семья Колотевых – дядя Ваня, тетя Дина и их дочь Люда. Мать и дочь – яркие натуральные блондинки, все члены семьи – высокого роста. Их дверь была напротив нашей на расстоянии одного метра.

Справа от Деевых жила тетя Поля Архипова с дочерью Ниной, старшеклассницей, и своим младшим братом – рыжим Петькой. Петька по возрасту больше годился тете Поле в сыновья. На вид он был чуть постарше Нины. Тетя Поля работала дворником, Петька – рабочим на заводе. Нина, кроме средней общеобразовательной школы, училась еще и в музыкальной по классу виолончели. Тонкие стены барака позволяли всем соседям быть в курсе музыкальных успехов Нины.

Моя тетя и соседка Полина не жаловали друг друга. Улыбка на лице у тети Поли никогда не появлялась, по крайней мере, на кухне. Ее дочка выросла в неглупую девушку, поступила в МАИ, но была очень чопорной, ходила всегда с высоко поднятым подбородком, отчего казалось, что она смотрит на всех свысока. Петька был вполне нормальным соседом, но на кухне он почти не появлялся.

Еще две семьи жили рядом с входной дверью в коммуналку. Слева – дядя Гриша и тетя Тамара Пашковы. Дядя Гриша женился поздно на своей землячке из Смоленщины, которая была на восемнадцать лет моложе его. Дядя Гриша был малоразговорчивым, на вид угрюмым. Зато тетя Тамара с лихвой перекрывала этот недостаток своего мужа: она всегда была улыбающейся, приветливой, дружелюбной. Пашковы были долго бездетны и, всем на удивление, родили себе сына, когда тетя Тамара приближалась к своему пятидесятилетию, а дядя Гриша – к семидесятилетнему юбилею. Дядя Гриша прожил еще с десятков лет, а тетя Тамара жива до сих пор. Сын Игорь вырос здоровым и симпатичным, но, к сожалению, рано пристрастился к алкоголю.

Напротив Пашковых жила семья Серовых. Когда я поселилась у тети Ньюши, вскоре узнала, что мать Серовых – душевнобольная женщина, надорвавшая свое здоровье, оставшись с тремя маленькими детьми, когда погиб ее муж в первые дни войны.

Старшей дочери Рае в конце 1953 г. было около двадцати лет, средней, Тамаре, лет шестнадцать-семнадцать, а Володя был чуть моложе меня. В начале войны каждому из них было на двенадцать лет меньше. Как росли эти дети, не знаю. При мне они не раз привозили маму домой и отвозили обратно в больницу, когда ей становилось хуже. Старшая Рая, худенькая, с множеством мелких темных родинок на лице, сильно заикающаяся, была в семье вместо матери. Тамара и Володя были достаточно упитанными и на вид ухоженными. Возможно, дети, подрастая, учились ухаживать за собой сами. У ребят были коньки, велосипед, на котором Вовка по весне катал меня на раме вдоль железной дороги.

Вернусь снова к первым дням моего пребывания в новой школе в новом классе. С 1 февраля я продолжила учебу, прерванную из-за операции. В один из дней классный руководитель сказала, что мне нужно сообщить родителям, чтобы кто-нибудь из них пришел в школу. Мне пришлось рассказать, что я живу у тети, а мои родители находятся в Коломенском районе – в ста километрах от Москвы. Классный руководитель как-то очень официально повторила, что ей необходимо встретиться именно с родителями.

Я гадала, зачем понадобились мои родители. «Скорее всего, думала я, – меня хотят отправить из московской школы по месту жительства родителей». Маму снова вызвали телеграммой. В школе ей сказали, что, несмотря на то, что я старательная и способная ученица, но у меня пропущена целая четверть и иностранный язык отсутствует как предмет. Далее маме сообщили, что год выпуска нашего класса – 1955, станет годом, когда впервые будут введены конкурсные экзамены при поступлении в вуз. «Вашей дочери будет трудно участвовать в конкурсных экзаменах, – убеждали мою почти совсем неграмотную маму педагоги, – поэтому ее следует перевести классом ниже, т. е. в восьмой класс».

Мама вопросительно посмотрела на меня. Я пожала плечами, хотя понимала, что я действительно в этом учебном году почти и не училась. Половину сентября мы убирали в подсобном хозяйстве прииска овощи (турнепс, капусту, картофель). В октябре больше десяти дней проболела ангиной. Весь ноябрь ушел на дорогу от Огонька до Москвы. А тут еще химия и английский язык в зачаточном состоянии.

Вечером я написала Миле и Олегу письма, в которых сообщила, что в школе мне предложили перейти в восьмой класс, а через день я стала новенькой в «стареньком» для меня классе. Недели через две пришла радиogramма от Олега, посланная его мамой – радисткой прииска. В ней было написано: «Оставайся лучше в девятом классе тчк Твои одноклассники тчк». Я в это время уже полностью адаптировалась в новом коллективе восьмиклассников. С первых же дней я расслабилась: учиться мне стало легко и приятно.

Через два месяца репетитор по английскому языку объявила мне, что больше не будет заниматься со мной, так как в 8-х и 9-х классах отменены экзамены по иностранному языку. Рахиль Борисовна, моя теперешняя «англичанка», не вызывала меня к доске почти до конца года, зная, что со мной занимается Ирина Ефимовна, Она со спокойной совестью выставила

мне годовую «четверку». Я к этому времени научилась читать, переводить со словарем и выполнять письменные упражнения. На уроках, сидя на первой парте первого от окон ряда, я подсказывала всем, у кого были трудности у доски. Рахиль Борисовна спокойно относилась к подсказкам, наверное, потому, что они тоже приносят пользу – и тому, кто подсказывает, и тому, кто повторяет подсказку. А, может, просто не слышала и не видела их: на ее уроках в классе всегда был легкий шумок.

Единственным предметом, доставлявшим мне неприятности в новом классе, была химия, но и Роза Наумовна выставила мне годовую «четверку».

К новым для меня географическим картам я привыкла, тем более, что географию нам преподавала добрейшая и интеллигентнейшая Екатерина Александровна Гуськова, наша классная руководительница.

С физикой у меня все было в порядке. Все, что заложил нам в головы Виктор Андреевич Кайрис на Огоньке, все сохранилось в моей памяти. Да и Анна Григорьевна, преподававшая нам физику, не давала нам расслабиться на ее уроках.

А математику у нас преподавала Любовь Иосифовна. Я проучилась у нее всего четыре месяца, а запомнила ее на всю жизнь. И больше всего запомнила потому, что она, когда вызывала к доске Зою Козлову, смотрела на неё влюбленными глазами и почти каждый раз, ставя ей «пятерку», приговаривала: «Светлая ты моя головушка!»

Первого сентября 1954 г. мы узнали, что Любовь Иосифовна летом скончалась от сердечного приступа в возрасте пятидесяти четырех лет. Заменить ее в школе было некем. Она была математиком от бога...

Зато по русскому языку и литературе нашему классу, так же, как и параллельному 8 «В», повезло по-настоящему: у нас была Елизавета Моисеевна Орловская, лучшая учительница школы. И историк у нас был великолепный, к тому же молодой и очень симпатичный.

Учебный год я закончила вполне успешно. Не было ни одного школьного дня, когда я могла бы себя почувствовать в классе и школе некомфортно. Буквально все учителя нравились мне. Мне ни разу не пришла в голову мысль, что кто-то из учителей или одноклассниц может подумать, что я тупая, иначе как объяснить, что меня среди учебного года перевели из девятого в восьмой класс? Скорее всего, моих новых одноклассников да и учителей хорошо подготовила наша деликатная Екатерина Александровна, называвшая всех нас только на «Вы», чтобы все с пониманием отнеслись ко мне.

В классе я оказалась старше всех на год, а некоторые мои одноклассники были моложе на полтора – два года, все, кроме Тани Довбни. Она тоже была с тридцать седьмого года. Очень скоро обозначились мои первые подружки из ближайших соседей по партам. С Галей Буравцевой я сидела за одной партой. Лена Попова и Таня Телина сидели за нами на второй парте – обе умные и прилежные. С Таней Довбней мы ходили из школы домой одной дорогой до трамвайной остановки «Улица Панфилова» и расходились в разные стороны: Таня – в Покровское-Стрешнево, я – направо в Большой Ново-Коптевский проезд. Сблизилась я с Ритой Бурштейн – энергичной, напористой, активной девочкой, сильной физически. Она сидела в нашем ряду на предпоследней парте около окна.

На переменах Рита подходила ко мне, о чем-то расспрашивала, приглашала пойти погулять в коридоре. Однажды она пригласила меня зайти к ней домой после уроков. Рита жила на шестом этаже в угловой квартире с видом на Ленинградское шоссе. Она рассказала, как осенью 1941 года, во время ночного налета немецких бомбардировщиков от авиационной бомбы пострадал именно их угол дома № 7/13, расположенного вблизи развилки Ленинградского и Волоколамского шоссе – напротив МАИ.

Строгая Клавдия Михайловна Комарова, директор школы, требовала от учениц соблюдения порядка и дисциплины в школе. Девочки были обязаны быть аккуратно причесаны и одеты. Волосы должны были быть заплетенными в косы с лентами только темного цвета – чер-

ного и коричневого. И лишь Рите Бурштейн удалось отстоять право собирать густые и недлинные волосы в «хвост», завязывая его темно-синим бантом. Она была норовистая, как мустанг, нередко оговаривалась, вступая в короткие пререкания с учителями, но не со всеми.

Девочкам, даже десятиклассницам, строго-настрого запрещалось носить в школе капроновые чулки, которые тогда только-только входили в моду.

Вскоре я стала выделять в классе двух девочек – Милу Арцимович и Люсю Львову. Явно, это были отличницы, причем круглые отличницы, но Люся отличалась от Милы четкой, выразительной речью, а Мила сильно заикалась, и слушать ее было очень трудно. Поневоле хотелось, чтобы Мила поскорее выговорила очередное «застрявшее» у нее слово. Но ее правильные и грамотные ответы учителя не могли оценить иначе, как на «отлично», хотя сами слушали с большим напряжением и нетерпением. От своих соседок по партам я узнала, что у Милы отец – известный ученый, академик, и что Милу привозит в школу личный шофер отца на «Победе», самой престижной отечественной марке легковых автомобилей в начале пятидесятых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.